

ПОЭТИКА ОБЭРИУ В ТВОРЧЕСТВЕ ЯНИСА ГРАНТСА POETICS OF OBERIU IN THE WORKS OF JANIS GRANTS

Аннотация: В статье рассматриваются культурологические параллели между творчеством группировки ОБЭРИУ и современного поэта Я. Грантса. Автор выдвигает идею о том, что трансформация абсурдистской поэтики в творчестве современного поэта связана со схожим мировоззрением автора, который, как и его предшественники, ощущает бессмысленность окружающего его мира. Были выделены следующие черты поэтики ОБЭРИУ в творчестве Я. Грантса: 1) самоуничижение лирического героя перед бессмысленностью действительности; 2) гротескность и абсурд повествования; 3) искажение грамматического строя языка; 4) борьба с бытовой семантикой слова.

Ключевые слова: ОБЭРИУ; поэтика; Янис Грантс; абсурдизм.

Abstract: The article discusses cultural studies of parallels between the work of the OBERIU group and the modern poet J. Grants. The authors put forward the idea that the transformation of absurdist poetics in the works of the modern poet is associated with a similar worldview of the author, who, like his predecessors, feels the senselessness of the world around him. The following features of the poetry of OBERIU in the works of J. Grants were highlighted: 1) self-deprecation of the lyrical hero before the senselessness of reality; 2) grotesque and absurd narration; 3) the distortion of the grammatical structure of the language; 4) the struggle with the everyday semantics of the word.

Keywords: OBERIU; poetics; Janis Grants; absurdism.

Как пишет Е. А. Смышляев, «... интертекстуальность челябинской поэзии проявляется не только в перекрестных посвящениях поэтов одного локуса, но и в посвящениях знаковым фигурам и течениям извне (посвящения и отсылки к творчеству ОБЭРИУтов, аллюзии на тексты И. Бродского, Д. Хармса, М. Цветаевой и т. д.)» [9, с. 23]. В нашем исследовании основной задачей стала идентификация поэтики ОБЭРИУ в творчестве Яниса Грантса, а также попытка объяснить обращение автора именно к этому творческому методу и его возможные трансформации в поэзии автора.

Янис Ильмарович Грантс – российский поэт, родился в 1968 году во Владивостоке. Публиковался в различных литературных журналах («Транзит-Урал», «Знамя», «Волга», «Нева» и др.). Является автором сборников стихов «Мужчина репродуктивного возраста», «Стихи на вырост»; «Бумень. Кажницы. Номага»;

«Стихи 2005–2014»; «Конъюнктивит». Лауреат Первой независимой литературной премии «П» (Челябинск, март, 2009), лауреат премии города Челябинска в области культуры и искусства «Золотая лира» за 2013 год (номинация «литературное творчество»); лауреат литературной премии имени М. М. Клайна за вклад в развитие южноуральской литературы для детей и юношества (2015, октябрь). Создатель литературного салона «Грабля» (Челябинск). Составитель коллективного сборника «На достаточных основаниях». Творчество Яниса Грантса рассмотрено в работах Е. А. Смышляева, В. В. Федорова, Т. Ф. Семьян, М. В. Загидуллиной и Ю. С. Подлубновой.

Датой образования ОБЭРИУ считается 24 января 1928 года, когда в Ленинградском Доме печати состоялся вечер «Три левых часа». Именно на нем обэриуты впервые заявили об образовании группы, представляющей «отряд левого искусства». В ОБЭРИУ вошли И. Бахтерев, А. Введенский, Д. Хармс (Ювачев), К. Вагинов (Вагенгейм), Н. Заболоцкий, писатель Б. Левин. Тогда же увидел свет первый (и последний) манифест нового литературного объединения, в котором декларировался отказ от традиционных форм поэзии, излагались взгляды обэриутов на различные виды искусства. Там же было заявлено, что эстетические предпочтения членов группы находятся в сфере авангардного искусства.

Как написано в Манифесте ОБЭРИУтов: «В своем творчестве мы расширяем и углубляем смысл предмета и слова, но никак не разрушаем его. Конкретный предмет, очищенный от литературной и обиходной шелухи, делается достоянием искусства» [1]. Обэриуты попытались в конце 1920-х годов вернуться к некоторым традициям русского модернизма, в частности футуризма, обогатив их гротескностью и алогизмом. Они культивировали поэтику абсурда, предвосхитив европейскую литературу абсурда по крайней мере на два десятилетия.

Поэтика обэриутов основывалась на понимании ими слова «реальность». В Декларации ОБЭРИУ говорилось: «Может быть, вы будете утверждать, что наши сюжеты "не-реальны" и "не-логичны"? А кто сказал, что "житейская" логика обязательна для искусства? Мы поражаемся красотой нарисованной женщины, несмотря на то, что, вопреки анатомической логике, художник вывернул лопатку своей героине и отвел ее в сторону. У искусства своя логика, и она не разрушает предмет, но помогает его познать» [1].

Хармс и Введенский, чьи творческие установки лежали в основе поэтики обэриутов, при всем различии их литературной манеры имели одну общую черту: и алогичность Хармса, и «бессмыслица» Введенского были призваны продемонстрировать, что только абсурд передает бессвязность жизни и смерти в постоянно меняющемся пространстве и времени. Проводимые в стране новой властью абсурдные социальные преобразования, современниками которых оказались обэриуты, подтверждали актуальность их художественно-философских установок.

Как пишет Е. А. Смышляев, «...интертекстуальность в поэтических посвящениях выступает как форма авторефлексии: челябинские авторы осмысливают своё поэтическое мироощущение сквозь призму поэтического мироощущения другого автора, как правило, близкого по духу, мировоззрению. В текстах это

выражается в цитации ритма, рифмы, в заимствовании характерных для определённого автора образов, подражании стилю» [8, с. 144]. Конкретно в творчестве Яниса Грантса мы можем выделить обращение к творческому методу ОБЭРИУтов, еще уже – к поэзии Даниила Хармса. Мы полагаем, что абсурдистские черты поэтики заимствованы поэтом уже не для обнажения трагической реальности (какую обуславливал исторический контекст прошлого века для объединения ОБЭРИУ), но для подчеркивания бессмысленности и обытовленности современных реалий.

Д. Л. Шукуров отмечает, что «... литература позднего авангарда (1920-е гг.) обусловлена доминированием мазохистического психотипа. Согласно онтогенетической закономерности этот психотип следует после садистической фазы поиска и трансформации объектной сферы, и самое главное в нем заключается в осуществлении процесса аутонегации (самоуничтожения, самоотрицания, исчезновения субъекта)» [10, с. 74]. Вспоминая биографию Д. И. Хармса и отдельные его произведения, данное замечание мы считаем верным и в чем-то даже определяющим творчество авангардистов, в том числе и ОБЭРИУ.

В данном исследовании мы рассматриваем черты поэтики ОБЭРИУ в творчестве Яниса Грантса путем сопоставления его стихотворения «За хлебом» с «Из дома вышел человек» Д. И. Хармса, которые являются следующими:

- 1) самоуничтожение лирического героя перед бессмысленностью действительности;
- 2) гротескность и абсурд повествования;
- 3) искажение грамматического строя языка;
- 4) борьба с бытовой семантикой слова.

В стихотворении «За хлебом» Я. Грантса языковая игра проявляется не только на лексическом уровне, но и на пунктуационном. Отсутствие заглавных букв в сочетании с множественными короткими предложениями формирует образ ровной и в чем-то ничтожной жизни, которая делится на малозначительные этапы. Интересно, что во второй строфе предложения резко трансформируются в распространенные, сосредоточенные вокруг фантазий лирического героя о том, что будет, когда он исчезнет. Пунктуационное оформление стихотворения подчеркивает, как мало места занимает сама жизнь в ее течении по сравнению с моментом расставания с ней. Эллипсис, используемый автором, тоже подчеркивает определенные «пробелы» в жизни, когда детали уже не имеют никакого значения перед бессмысленностью действительности.

Для ОБЭРИУ важным аспектом поэтики было именно разоблачение уже освоенной словесной семантики. В стихотворении Д. Хармса «Из дома вышел человек» слово «лес» – не иначе как тюрьма. Лес он рисует темным и полным опасностей, в дебрях его люди пропадают навсегда.

У Грантса главный мотив – уйти за хлебом. С одной стороны, происходит явное снижение образа до чего-то бытового и ежедневного. Уйти за хлебом и пропасть навсегда – звучит далеко не так аллегорично, как затеряться в лесу. С другой же стороны, таким образом обнажается тоска быта, уход в сферу быденного от чего-то высокого и важного. Семантика образа Грантса перекликается с еще одной возможной интерпретацией стихотворения Хармса – бегством

от реальности. Бытовая семантика формируется в стихотворении Я. Грантса в объемное и всеобъемлющее понятие, которое поглощает действительность (*ожог от спички, чайный след, на клетчатом простом, кляксы под крестом*) в последней строфе стихотворения. Все, что остается, – быт. Люди уходят в быт. Люди бросают писать стихи и уходят за хлебом, чтобы остаться в метафоричном бытовом пространстве навсегда.

При сопоставительном анализе данных стихотворений прежде всего бросаются в глаза именно особенности композиции. Зачин у Хармса занимает две строфы, а у Грантса сжат в две строчки. Зачин Хармса – «чистый саспенс», затягивающий ожидания читателя, предваряя внезапное развитие «сюжета». Этим объясняется его даже затянутость (обычно зачин исчерпывается первой строфой, задающей эмоциональный фон стихотворения). У Грантса же функция зачина совершенно другая – в двух строчках он рисует всю жизнь лирического героя, подчеркивая ее незначимость. Эта незначимость приобретает гротескные и абсурдные черты (*за так, для никого*). Есть активная деятельность, которая никому не нужна, и, возможно, она сама по себе огромной ценности не имеет.

Финал у Хармса короткий и резко контрастирующий с общим настроением стихотворения. Почти по-детски игривый и даже оптимистичный, он звучит немного издевательски (потому что этого человека явно никто не встретит). В этом видится абсурд, типичный для творчества Хармса. У Грантса ситуация обратная – концовка занимает всю строфу, в которой описывается то, что от человека осталось. Более того, «рассказчик» сопереживает лирическому герою, он тоже «вылетит в трубу». Такой контраст раскрывает отношение авторов к трагедии, которую они показывают из разных эпох. Для Хармса важно, что человек БЫЛ (существовал, жил), он ходил, чувствовал, страдал. Грантс же, наоборот, больше фокусирует свой взгляд на том, что от человека осталось. Если в стихотворении Хармса страшно видеть, как человек стирается с земли, будто его не было, то Грантс подчеркивает, что даже если что-то и осталось – оно мелочно и ничтожно.

Самоуничтожение лирического героя вызвано, как правило, именно несовпадением ожиданий героя и окружающей его действительности. В мире, где он не нужен и даже поругаем, неудивительно прийти к пессимистичной философии отрицания своей значимости. У Я. Грантса, например, превалирует уничижительная лексика – *кропал, стишки, не вспомнит ни хрена, и привет*. Бесконечные «бубубу» как синоним неважной информации, из которой и состояла по-видимому жизнь героя. Заведомо бытовые и сниженные лексические единицы формируют образ ничтожного человека, который, даже будучи занят делом нелегким и творческим, ничего из себя не представляет. В стихотворении Грантса лирический герой обладает следующими чертами: конформистский, мимолетный, полный горечи.

Существуют две основные интерпретации стихотворения Хармса: 1) репрессия поэтов советскими властями; 2) попытка бегства поэта, уставшего от реалий современной ему жизни (голод и нищета Хармса). Но первая обычно доминирует, учитывая политическую обстановку страны в то время. У Хармса лириче-

ский герой смотрит вперед и готов терпеть лишения вплоть до принятия трагической судьбы. Однако Грантс в своем стихотворении, возможно, проводит параллели с современным ему обществом, где поэт в любой момент отказывается от своего «призвания» и теряется в дебрях уже не леса, а быта. И остаются от него в таком случае не стихи, а лишь ожоги от спички. Но главное, это все-таки смерть лирического героя. Хоть он и «кропал стишки», но лучше отдаваться искусству, чем погибнуть в пучине быта. А для Грантса важно именно то, что лирический герой обречен на смерть, если отвлечется от стихотворчества. Таким образом, черты поэтики ОБЭРИУ трансформируются под влиянием современных реалий, когда трагичные обстоятельства жизни сменяются бытовыми, но от того не менее драматичными. Суть остается той же – абсурдный мир, где лирическому герою нет места, где он не нужен и не признан.

Библиографический список

1. Акимов, Б. С. Об объединении «ОБЭРИУТЫ» / Б. С. Акимов. – <https://slova.org.ru/v/oberiuti/> (дата обращения : 11.03.2019).
2. Идиатулина, А. Воплощение идеи единства мира в поэтике ОБЭРИУ и произведениях современных детских писателей / А. Идиатулина // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 4. – С. 187–192.
3. Орлова, П. В. Искусство абсурда ОБЭРИУ / П. В. Орлова, И. В. Юзефович // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер-2017 : сборник материалов Всероссийской конференция молодых исследователей. – 2017. – С. 167–170.
4. Рымарь, А. Н. «Уже сказанное» в текстах Даниила Хармса и Александра Введенского / А. Н. Рымарь // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2007. – № 1.
5. Семьян, Т. Ф. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12. – № 2.
6. Силантьев, А. Н. Дискурс духовности ОБЭРИУ / А. Н. Силантьев // Язык. Текст. Дискурс. – 2006. – № 4. – С. 106–111.
7. Смышляев, Е. А. Челябинский поэтический текст как культурная модель / Е. А. Смышляев // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 11 (152).
8. Смышляев, Е. А. Интертекстуальность как форма авторефлексии в поэзии современных челябинских авторов / Е. А. Смышляев // Литература как форма социальной и индивидуальной рефлексии : материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции словесников «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе – Лейдермановские чтения». – Екатеринбург, 2016. – С. 144–149.
9. Смышляев, Е. А. Интертекстуальность современной челябинской поэзии / Е. А. Смышляев // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2016. – Т. 11. – № 3.

10. Шукуров, Д. Л. Патография авторской личности в литературном творчестве группы «ОБЭРИУ» («Объединение реального искусства») / Д. Л. Шукуров, В. Н. Хабурова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9.